

УДК 343.9
ББК 67.73

Анатолий Станиславович СИДОРОВ
доцент кафедры уголовного права и процесса
института Государства и права
Тюменского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент,
адвокат Тюменской межрегиональной коллегии адвокатов.
Научная специальность: 12.00.12 — Криминалистика; судебно-экспертная
деятельность; оперативно-разыскная деятельность.
E-mail: advokatsidorov@mail.ru
тел. +79048768419

К ВОПРОСУ ОБ «ОШИБКАХ» В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные «ошибки» и «упущения», которые допускаются следователями в ходе расследования преступлений, и анализируются их причины. Автор приводит доводы в подтверждение позиции о том, что в большинстве случаев основной причиной, способствующей нарушениям действующего законодательства со стороны следователей, является ненадлежащий контроль и надзор за их деятельностью со стороны руководителей следственных органов, прокуроров и судов.

Ключевые слова: следователь, расследование преступлений, следственные ошибки, прокурор, суд.

Sidorov Anatoly Stanislavovich
assistant professor of Criminal Law and Procedure
chair in the Institute of State and Law of Tyumen State University,
candidate of legal science, assistant professor,
lawyer of Tyumen interregional bar

ON THE ISSUE OF FLAWS IN INVESTIGATIONS OF CRIMES

Annotation. The paper deals with certain "mistakes" and "inactions" made by investigators during investigative actions in the course of investigation of crimes, and analyzes their causes. The author gives arguments in support of the position that in most cases the main cause of contributing to the breach of law by investigators is improper control over their activities by the heads of investigative bodies, prosecutors and courts.

Keywords: investigator, investigation of crimes, mistakes in investigative proceedings, the Prosecutor, the court.

При осуществлении полномочий защитника автору приходится постоянно участвовать в следственных действиях при расследовании различных категорий преступлений, знакомиться с материалами уголовных дел, и дальнейшем их рассмотрении в судах. Это позволило обобщить результаты наблюдений за деятельностью следователей, с которыми и хотелось бы поделиться в данной статье.

Безусловно, пристального внимания, обобщения и распространения заслуживает положительный опыт, который выражается в творческом походе следователя к исполнению своих должностных обязанностей. Однако нельзя игнорировать и противоположный подход, связанный с множеством тактических и процессуальных ошибок, допущенных при производстве следственных действий.

Поэтому мы обратим внимание читателя лишь на некоторые отдельные «ошибки» и «упущения», которые нам встретились в деятельности следователей. Это связано со следующими соображениями. Во-первых, о положительном опыте можно рассказывать много и долго, а объем настоящей публикации не позволяет этого сделать. Во-вторых, народная мудрость гласит, что учиться надо не только у «передовиков производства», но и на ошибках (как на чужих, так и на своих).

Начнем с того, что наш опыт работы по уголовным делам свидетельствует о том, что в некоторых случаях следователи не только не применяют научно разработанных криминалистических рекомендаций при производстве следственных действий, но к тому же умышленно нарушают требования уголовно-процессуального законодательства. Как правило, результатом такого отношения к делу являются ходатайства защитников обвиняемых о признании полученных доказательств недопустимыми.

Для примера рассмотрим некоторые моменты, связанные с одним из уголовных дел, в котором автор защищал в суде первой инстанции

подсудимого А., обвиняемого в убийстве одного человека и покушении на убийства еще двух¹.

Поскольку в ходе предварительного следствия в уголовном деле участвовал другой адвокат, мнение о допустимости имеющихся в нем доказательств складывалось исключительно по результатам изучения материалов, имевшихся в деле. О состоявшейся оценке доказательств с позиции стороны защиты и пойдет речь далее.

В материалах дела имелись исследованные судом протоколы предъявления обвиняемого А. для опознания двум выжившим потерпевшим (назовем их Б. и Г.).

В отношении обоих протоколов нами были заявлены ходатайства о признании их недопустимыми доказательствами и исключении их из перечня доказательств по следующим основаниям.

В соответствии со статьей 193 Уголовно-процессуального кодекса РФ опознающие предварительно допрашиваются не только об обстоятельствах, при которых они видели предъявленное для опознания лицо, но и о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать. Если опознающий указал на одно из представленных ему лиц, то опознающему предлагается объяснить, по каким приметам и особенностям он опознал данное лицо.

Здесь следует заметить, что, говоря о приметах и особенностях опознаваемого, законодатель, вероятнее всего, имел в виду признаки анатомических элементов внешности этого лица (причем, относящиеся согласно терминологии, используемой в криминалистической габитоскопии, к собственным – неотъемлемо принадлежащих человеку) и позволяющих идентифицировать его по этим признакам внешности.

В рассматриваемом случае предварительно допрошенный потерпевший Б. с уверенностью заявил, что сможет опознать человека, нанесшего ему удар ножом, «по лицу и волосам». Однако в ходе опознания,

---

¹ Архив Ярковского районного суда Тюменской области, уг. дело №1-2/2015.

вместо обвиняемого А. он, как на человека, совершившего преступление, указал на другое лицо - одного из статистов.

Не смотря на то, что доказательственное значение предъявления для опознания было утеряно, следователь, чтобы «исправить положение» сразу же после неудавшегося опознания еще раз допросил Б., из показаний которого уже следовало: «Я не опознал А., так как ранее у него были длинные волосы».

Но даже если бы Б. и опознал А., как преступника, у стороны защиты также был повод заявить ходатайство о признании протокола предъявления для опознания недопустимым доказательством, поскольку «лицо и волосы» - это не приметы и особенности. Это элементы внешности, которые присущи любому человеку, а не идентифицирующие его признаки.

Конечно, нельзя винить потерпевшего в том, что он не назвал примет и особенностей, по которым мог бы опознать другого человека. Он не изучал криминалистику, не обладает познаниями в такой области криминалистической техники, как габитоскопия. А вот следователь по роду своей профессиональной деятельности, в отличие от потерпевшего, просто обязан обладать такими познаниями и применять их на практике. Он должен был в ходе допроса выяснить у потерпевшего, что такого «особенного» ему запомнилось в лице или волосах (прическе) лица, которое он намерен опознать.

Второму потерпевшему Г. По данному уголовному делу обвиняемый А. предъявлялся по фотографии. В этом случае основанием для признания результата опознания недопустимым доказательством явилось то, что Г. вообще предварительно перед опознанием не допрашивался, а протоколе предъявления для познания также нет упоминаний ни о каких приметах и особенностях, по которым он опознал А., как лицо, причинившее ему телесные повреждения.

Неужели следователь не знал, что в соответствии со ст. 75 УПК РФ «доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса,

являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса»?

Как показывает практика, нарушения следователями требований, предъявляемых к предъявлению для опознания, установленным законодателем, не единичны.

О ненадлежащем качестве расследования рассматриваемого уголовного дела свидетельствуют и результаты допросов свидетелей.

К слову сказать, стороной обвинения к вызову в суд были заявлены свидетели в количестве 31 человека, но ни один из них в судебное заседание не явился. С согласия сторон суд огласил их показания, в результате чего выяснилось следующее.

Как оказалось, ни один из свидетелей не был очевидцем преступления. В показаниях одних значилось: «Кто-то сказал, что порезали пассажиров, и я понял, что это мог сделать А.» В связи с невозможностью допроса данных свидетелей источник их осведомленности остался не выясненным. В частности, не было установлено, кто именно им сказал, что порезали пассажиров, и на чем основаны их выводы о том, что это мог сделать именно А.

Здесь следует учесть, что в соответствии с вышеупомянутой ст. 75 УПК РФ «показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности» относятся к недопустимым доказательствам.

Другие свидетели ссылались лишь на потерпевшего Г., как на источник своей информированности о том, что преступление в отношении него совершил А.

Однако, как следует из материалов дела, сам Г. узнал фамилию обвиняемого А. гораздо позже, чем об этом слышали от него свидетели.

Данные противоречия в показаниях также не были судом устранены в связи с невозможностью допроса данных свидетелей в суде. В тоже время в соответствии с принципом презумпции невиновности, все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, предусмотренном УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого.

Возникает вопрос: неужели следователь еще на стадии досудебного производства не мог устранить эти противоречия или конкретизировать источники информации, имеющейся у свидетелей, допросив их более подробно?

В защитительной речи по данному делу нами было обращено внимание суда и на другие «недоработки» и «просчеты» следователя.

Так, например, в ходе осмотра места происшествия был обнаружен нож, которым, по мнению стороны обвинения, были причинены телесные повреждения потерпевшим. Однако по каким-то неизвестным причинам этот нож не был предъявлен для опознания ни потерпевшим, ни свидетелям. Не была назначена медико-криминалистическая экспертиза с целью ответа на вопрос: «Этим ли ножом причинены телесные повреждения потерпевшим?». Также не была проведена и биологическая экспертиза с целью установления наличия или отсутствия крови потерпевших на указанном ноже.

И, кроме того, обвиняемый А., который, по мнению стороны обвинения, совершил указанное преступление, не был предъявлен для опознания ни одному из свидетелей.

А как расценить результаты работы следователя еще по одному из дел², по которому гражданин Д. обвинялся в убийстве двух человек? Следствие по данному делу длилось 8 месяцев. Дважды, заявляя перед судом ходатайства о продлении срока содержания Д. под стражей, следователь обосновывал их необходимостью назначить дактилоскопическую экспертизу с целью установления наличия или отсутствия следов папиллярных узоров, принадлежавших обвиняемому, на орудии убийства.

---

² Архив Тюменского областного суда, уг. дело № 2-52/13.

Оба раза в судебном заседании на наш вопрос, почему такая судебная экспертиза не была назначена ранее, следователь отвечал, что он «утерял» дактилоскопическую карту обвиняемого. Вот так просто обвиняемый стал заложником «рассеянности» следователя.

А вот еще один пример.

Гражданин Т. Тобольским районным судом Тюменской области был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УПК РФ³. Поводом для привлечения Т. к уголовной ответственности явилась дорожная ситуация, связанная с тем, что на автомобильной трассе Тюмень – Сургут потерпевшая П., управляя легковым автомобилем, выехала на полосу встречного движения, и, допустив столкновение своего автомобиля с двумя другими автомобилями, погибла. По мнению стороны обвинения, Т., также управляя легковым автомобилем, в результате обгона грузового автомобиля, двигавшегося в попутном направлении, выехал на полосу движения П., чем создал помеху движению автомобиля потерпевшей.

Вместе с тем, в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства сторона защиты неоднократно настаивала на необходимости проверки следующих версий:

- о нарушении Правил дорожного движения самой потерпевшей или другими участниками дорожного движения;
- о возможности возникновения столкновения автомобиля, которым управляла потерпевшая, с другими автомобилями в связи с технической неисправностью транспортных средств – участников ДТП;
- о том, что дорожно-транспортному происшествию могли способствовать внешние условия на участке ДТП, техническое состояние дороги и т.д.;
- о том, что дорожно-транспортному происшествию могло способствовать неудовлетворительное психофизиологическое состояние

---

³Архив Тобольского районного суда Тюменской области, уг. дело №1-39/2013.

водителей транспортных средств – участников дорожно-транспортного происшествия.

Поскольку, по нашему мнению, проверка данных версий имела существенное значение для объективного расследования уголовного дела, следователю были заявлены ходатайства о назначении судебной экспертизы дорожно-транспортного происшествия, судебной автодорожной экспертизы, судебной экспертизы технического состояния транспортных средств – участников ДТП (автотехническую экспертизу), комплексной судебно-медицинской, психофизиологической и инженерной экспертизы психофизиологического состояния потерпевшей и других участников дорожно-транспортного происшествия.

В соответствии со ст. 159 УПК РФ следователь обязан рассмотреть каждое заявленное по делу ходатайство. При этом обвиняемому и его защитнику не может быть отказано в производстве экспертизы, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела.

Не смотря на это, следователь отказал в удовлетворении указанных ходатайств.

Позже в ходе допроса следователя Н. в суде в качестве свидетеля мы пытались выяснить у него, на каком основании он принял решение об отказе в удовлетворении заявленных ходатайств, в частности, ходатайства о назначении судебной экспертизы технического состояния транспортных средств – участников ДТП (автотехнической экспертизы).

В ответ суд услышал следующее: «Я не посчитал нужным этого сделать потому, что я лучше других следователей разбираюсь в автомобилях и поэтому являюсь специалистом в этом вопросе. Именно в связи с этим «меня и поставили» расследовать дела о дорожно-транспортных происшествиях. Осматривая автомобили, столкнувшиеся в результате ДТП, я увидел, что в техническом состоянии все эти автомобили были исправны». И

это при том, что по внешнему виду одного только автомобиля потерпевшей было видно - он восстановлению вряд ли пожелит.

В связи с этим напрашиваются вопросы: «А может быть действительно, зачем назначать по уголовным делам какие-то там экспертизы, использовать специальные познания в науке, технике искусстве или ремесле, раз сами следователи – специалисты «широкого профиля»?

Почему так происходит? Может быть, следователи, о которых шла речь выше, не обладают достаточным опытом расследования преступлений?

Отнюдь. Все следователи в период расследования преступлений занимали должности старших следователей (а расследовавшие дела об убийствах – еще имеют приставку «по особо важным делам»), все имеют высшее юридическое образование и стаж работы по специальности более десяти лет.

Иногда можно услышать, что проблема заключается в недостаточном качестве профессионального образования, отборе кадров для работы следователями, высокой нагрузке на следователей, отсутствии надлежащего стимулирования их труда и т.д.

Конечно, эти проблемы существуют. Вместе с тем, главная причина низкого качества расследования преступлений, по нашему мнению, заключается в том, что руководители следственных подразделений, прокуроры и даже судьи, не всегда должным образом контролируют и надзирают за деятельностью следователя. Вместо того чтобы обязывать следователя своевременно исправлять выявленные нарушения, они, наоборот, стараются прикрыть очевидные его недоработки, по всей видимости, преследуя какой-то свой ведомственный интерес.

Чтобы не быть голословным, приведу еще один пример.

В процессе расследования уголовного дела по факту убийства⁴ обвиняемый О. и я, как его защитник, неоднократно сообщали следователю о применении к нему пыток со стороны оперативных сотрудников полиции в

---

⁴ Архив Омского областного суда, уг. дело № 2-36/14.

помещении подразделения уголовного розыска УМВД по Тюменской области, куда он вывозился из ИВС, а в последствии из СИЗО, для проведения следственных действий. Опасаясь за свое здоровье, О. отказывался участвовать в следственных действиях, проводимых за пределами места его содержания, о чем также письменно уведомил следователя.

Однако на все ходатайства, заявления и жалобы следователь отвечал, что он является процессуально самостоятельным лицом и сам определяет место проведения следственных действий. В связи с этим решения, действия и бездействие следователя, связанные с игнорированием ходатайств стороны защиты обжаловались руководителю следственного органа, в органы прокуратуры, а также в суд.

Один из прокуроров, участвующих в судебном заседании по рассмотрению жалобы на незаконные действия следователя и оперативных сотрудников, заявил, что проведение следственных действий в местах содержания лиц под стражей, является нарушением действующего законодательства, а вопрос о том, с чем связано нежелание следователя допрашивать подследственных в своем служебном кабинете и необходимость проведения следственных действий в помещении оперативного подразделения органа внутренних дел, остался без ответа.

В свою очередь, судья, который должен был дать оценку действий следователя, не выполнившего законное требование стороны защиты об обеспечении безопасности обвиняемого, в постановлении об отказе в удовлетворении жалобы констатировал (цитирую дословно): «...Обеспечение безопасности обвиняемого О., а также предупреждение и пресечение незаконных методов воздействия на него со стороны сотрудников уголовного розыска УМВД России по Тюменской области с целью понуждения к изменению показаний и отказу от адвоката Сидорова А.С., как

от защитника по уголовному делу, - в полномочия следователя не входит...»⁵.

То есть можно предположить, что на вопрос «кто виноват, в том, что обвиняемый подвергся незаконным методам ведения следствия?» последовал ответ, что «виноватых», кроме самого обвиняемого, нет. А на вопрос «что делать в подобных случаях?» мы получили ответ, что делать ничего не надо, т.к. бесполезно.

К сожалению, перечисленные выше случаи не единичны. Практикующие юристы могут вспомнить десятки и даже сотни подобных примеров.

По всей видимости, не случайно Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем послании Федеральному Собранию призвал «шире использовать инструменты контроля за качеством следствия», «активнее использовать» отказ от утверждения обвинительного заключения и от поддержки обвинения в суде⁶.

Таким образом, пока названные проблемы не будут разрешены, заметного улучшения качества расследования преступлений в обозримом будущем, ожидать, по всей видимости, не стоит.

---

⁵ Архив Ленинского районного суда г. Тюмени, материал №3/10-313/2014.

⁶См.: Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Президент РФ [сайт] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения 14.03.2016).